

УДК 801.73

ОНИМ В ПОЭТИЧЕСКОМ МИРЕ Ю. МОРИЦ

Т.М. Григорьева (Красноярск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В пределах художественного текста онимы занимают «промежуточное положение между именами реальных и вымышленных предметов, потому что: а) денотаты их конструируются на основе опыта художника, писателя, но не существуют в действительности; б) они создаются по моделям реальных и нереальных предметов с учетом принадлежности их определенному ономастическому полю» [Суперанская, 1973, с. 30].

Цель статьи – выявить особенности употребления онимов в художественном пространстве поэта; определить ономастические доминанты поэтического мира как некий сконцентрированный культурный опыт.

Основными методами являются семантический и ономастиологический анализ имен собственных в поэтическом тексте.

В результате исследования определены особенности раннего и позднего периода в использовании ономастических единиц, свидетельствующие об эволюции поэта как творца и языковой личности.

Выводы. Система имен собственных в поэтических текстах Ю. Мориц в их собственно языковой функции принципиально отлична от системы собственных имен в языке других поэтов, например, Велемира Хлебникова, А. Вознесенского, Л. Мартынова, Б. Ахмадулиной, Н.С. Лескова и других.

Ключевые слова: *оним, художественная значимость, ономастические доминанты, языковая личность.*

Постановка проблемы. Оним в языке / речи и оним в художественном тексте служат для решения разных задач, но при этом безусловно, что ономастикон художественного текста опирается на ономастику языка / речи и в значительной мере зависит от нее. В художественном тексте оним, кроме функции идентификации, выступает и как результат самостоятельного языкового творчества: средствами языка создаются соответствующие задачам поэзии как искусства его новые, поэтические, смыслы. В пределах художественного текста онимы занимают «промежуточное положение между именами реальных и вымышленных предметов, потому что: а) денотаты их конструируются на основе опыта художника, писателя, но не существуют в действительности; б) они создаются по моделям реальных и нереальных предметов с учетом принадлежности их определенному ономастическому полю» [Суперанская, 1973, с. 30]. При этом они могут выполнять определенные художественные задания.

Ономастическое пространство поэтического творчества Ю. Мориц многообразно, и это сви-

детельствует о широте интересов поэта (подробнее см.: [Григорьева, 2016]).

Доминанту ономастического пространства Ю. Мориц представляют антропонимы (их более 350: 105 и 264 в ранний и поздний период соответственно). Среди них – имена писателей и поэтов (*Евтушенко, Волошин*), имена деятелей культуры и науки (*Ньютон, Боттичелли, Феллини*), имена литературных персонажей (*Джульетта, Гамлет*), имена библейских персонажей (*Руфь, Авраам*), имена людей из близкого круга (*Ира Озерова, Тарасенкова Наталья* и др.). Значительный пласт лексики составляют топонимы (их около 300: 115 и 168 в ранний и поздний период соответственно). Они представляют разные континенты, страны и города, океаны, реки моря и озера, горы и равнины. Топонимический ряд отражает непосредственно жизненный путь поэта: прежде всего – *Украина: Винница, Киев, Хотин, Котоп* и многие другие. Поскольку большая часть жизни поэта связана с Москвой, частотно употребление астионима *Москва* и его дальних и ближних окрестностей: *Звенигород, Можайка, Фили, Полянка, Ордынка* и многие другие (во все примерах из текстов курсив наш. – Т.Г.).

В одном из интервью 2004 года («Газета». 31 мая) Ю. Мориц сказала: «Моим современником был постоянно Пушкин, ближайшими спутниками – Пастернак, Ахматова, Цветаева, Мандельштам, Заболоцкий, а учителями – Андрей Платонов и Томас Манн». В интервью 2012 года (Российская газета. 04.09) она признавалась, что обсуждает «вековые вопросы» с Пушкиным, Лермонтовым, Львом Толстым, Андреем Платоновым, Данте, Шекспиром, Овидием. К своей поэтической среде она относит Блока, Хлебникова, Гомера, Данте, царя Соломона (автора «Песни Песней») и «поэтов греческой древности». И все они, вернее, их имена занимают определенное место в ее поэтическом языке.

Цель данного исследования – выявить особенности употребления онимов в художественном пространстве поэта; определить ономастические доминанты поэтического мира как некий сконцентрированный культурный опыт.

Основные методы – семантический и ономастический анализ имен собственных в поэтическом тексте.

Результаты исследования. С языковой личностью Юнны Мориц связаны имена собственные Эстонии, поскольку немало дней проведено ею в городах этой республики / страны:

Вдоль улиц *Длинная Нога* /
Или *Короткая Нога*
Шатайся двадцать тысяч лет, – /
И за углом – кофейня.
(«Эстонская песня»)

(Улицы *Длинная Нога* и *Короткая Нога* расположены в центре столицы Эстонии.)

Названные онимы, представляющие разнообразный, многовекторный ономастический мир поэта, употреблены в их номинативной функции. Однако, помимо этого, они используются как средство художественной выразительности. Например, входят в состав сравнений как средство актуализации смысла:

Кустарник, поле и холмы /
Желтое кожи *Гайваты*.
(«Гайвата»)

* * *

Но у стрелочника есть на этот счет /
Философия, и он фонарь несет,
Глядя в ночь невозмутимо, как *Конфуций*.
(«Ночной поезд»)

Известны случаи, когда антропоним выполняет темпоральную функцию: эпоха определяется через антропоним:

Эта, может быть, ворона, /
Что ворует со стола,
Знала, может быть, *Ньютона*, /
Когда птенчиком была.
(«Ворона»)

Антропонимы могут быть употреблены метонимически:

И при разделе от квартиры той /
Достались мне *Державин*,
том шестой,
И ужас перед суетностью жадной.
(«След в море»).

Онимы могут становиться основой для аллитерации, придавая тексту особенную экспрессию:

Он решает взять *ли Хлою* /
(На *иголку* с *хлороформом*)
Или греческую *хвою* – /
Как прама-терь *хвойным* формам.

Связанные с распадом Советского Союза события нашли отражение в поэтическом ономастиконе автора: возникают имена новых реалий новой эпохи, на первый план выходят новые лица, меняется географическое пространство. Стоит отметить, что в ономастиконе предшествующего периода не обнаружено особых маркеров советской эпохи, однако для постсоветского периода характерны критическое восприятие советской действительности и, как следствие, онимы, отражающие эту действительность (*Ленин, Сталин, Гитлер, Шаламов, Солженицын* и др.).

В раннем периоде большинство онимов нейтральны по отношению к историческому времени. Указывающих на связь с советской действительностью онимов не обнаружено, и это может служить свидетельством погруженности поэта в свой внутренний мир. Об этом свидетельствуют

имена мест детства и юности (*Украина, Киев, Подол*), основных мест жительства (*Эстония, Москва*) и близкого окружения автора, не известных читателю (*Ира Озерова, Наталья Тарасенкова, Ундер, Альвер*):

Иру Озерову жаль – /

До весны не дожидая,

Рано жизнь ее сожгла.

(«Памяти поэтессы»)

События нового времени потребовали включения в текст новых имен: *Баренцево море, Польша, Белград, Глюкоза, День влюбленных, Буш* и др. Кроме того, для позднего периода характерен такой прием, как трансформация онима в апеллатив (*фарадейство, кавказ, содомщик*), создание противоположного смысла путем присоединения дополнительного компонента к ониму (*Антиленин, Антисталин* и др.).

Обращает на себя внимание прием онимизации апеллатива, то есть замены инициальной строчной буквы ее прописным эквивалентом. Следствием этого становятся отдельные апеллативы, выступающие в роли онимов. Это *Водяной, Время, Командор, Леший, Лира, Лирика, Муза, Отче Город, Поэзия, Русалка* – в раннем творчестве, где доминирующим вступает *Муза*. И гораздо большее их число в поздний период, среди которых *Вооруженные Силы Слов, Ворон, Время Бочки, Гармония, Гениальный Бандит, Граница, Жабка, Жизнь, Кролик, Мгновенье, Музей Доносов, Невыливайка, Нечто, Нигдежность, Никуда, Одиночество, Поэт, Поэтка, Рондо, Светлая Тень, Слово, Смерть, Сокровища, Сопротивленья, Страх, Существо, Творец, Ужас, Читатель, Ягненок* и многие другие. Хотя этот прием в литературе не является новым (см., например: [Григорьев, 1976; Григорьева, 2014]), но в языке Ю. Мориц он обретает особенную актуальность.

Среди онимизированных апеллативов старшего периода наиболее распространенным является слово *Читатель*, к которому автор относится с величайшим почтением:

Сто спасибо, драгоценный Читатель, /

Ты – отрада, награда моя,

Мой свидетель и мой не предатель /

На кострах клеветы и вранья.

Сто спасибо, современник чудесный, /

Не отступник, не льстец и не трус,

Мой Читатель, ты – дар мой небесный, /

Свет любви необузданных муз, –

Не обузданных выгодным пеньем, /

Не обузданных задним умом,

Грубой силы общественным мнением /

И вещественной славы ярмом.

Сто спасибо, драгоценный Читатель, /

Я – глотатель

(сто раз повторим!),

Твоего кислорода глотатель, /

Кислорода, который незрим.

(«Сто спасибо»)

* * *

... Не вернусь я теперь ниоткуда, /

Потому что осталась я здесь

Наглядеться на русское чудо, /

На его самоедскую бесь,

На его механизмы презренья /

К никуда не удравшей стране,

Где по воздуху стихотворенья /

Мой Читатель гуляет ко мне.

Он – поэтской Луны обитатель, /

Обладатель поэтской струны,

Никуда не удравший Читатель /

Никуда не удравшей страны.

Эта особенность поэтического языка Ю. Мориц не осталась незамеченной в среде ее критиков-почитателей: «Юнна Мориц – единственный русский поэт, который сегодня пишет слово Читатель с большой буквы и которому – платит “люблями” этот Читатель, очень недетский и очень детский, от 5-ти до 500 лет» (Игорь Вирабов. Собрание Чарли Чаплина. Российская газета. № 5875. 04.09.2012).

Великая благодарность к своему читателю звучит в ее обращении:

Драгоценный *Читатель*, мой праздник и чистая радость! Благодарю за светлый поток поздравлений в мой Деньрождень, за кислород любви к русской поэзии, за пожелания долгих лет жизни. С глубоко благодарным поклоном. Ваша *Поэтка*. 05.06.2013 г.

* * *

Нельзя пройти мимо слова *Поэтка*, которое является довольно распространенным:

Всего прекрасней для *Поэтки* снегопады,
Цветенье вишен, яблонь и сирени <...>

И не попасть потом под времени колёса,
И на волне свободомыслящего носа
Не быть *Поэткой* невозможно в той стране.
(«Поэтская страна»)

* * *

Любить – до чего приятно /
Этих прелестных крошек!

В отличие от поэтов, /
Хороших и очень хороших.

А я – совсем не хорошенькая /
И, вообще, *Поэтка*.

Поэтка – и больше некому /
Носить это имя, детка!..

* * *

Ни славы блеск, ни бешеный успех /
Не вняты мне
как зажигательные средства.

Поэтка, я поэтствую для тех, /
Кто мне, живьем, люблями платит за поэство.
(«Поэтка»)

Именно это слово *Поэтка* стало заглавием второго раздела поэтического сборника «По закону – привет почтальону»:

Вам хочется лирики, теплой
как центральное отопление
С батареями, которые пахнут
ароматами Браун Евы?..

Но *Поэтка* с люблевым читателем уходит
в *Сопротивление*,

Где совсем другие напевы.
(«Пункт обмена»)

Здесь очевидно, что, кроме онимизированного апеллятива *Поэтка*, онимизацией апеллятива *сопротивление* автор утверждает свое отличное от других поэтических «я», далекое от банальности. Такое самоименование поэта стало ключевым во многих посвященных ей публикациях:

«Юнна Мориц – большой поэт. Хотя она сама себя в последнее время шутливо называет *Поэткой*» (А. Губина. Не бывает напрасным прекрасное. Труд-7. 2007.06.02).

«На вопросы, кем является – диссидентом, оппозиционером, критиком режима и проч. и проч., – она отвечает одно: что является поэтом в чистом виде, и только поэтом. И даже *Поэткой* – изобретенное ею слово» (О. Кучкина. Поэтка, которой платят люблями. Комсомольская правда. 2007.06.02) (подробнее об этой особенности поэтического языка см.: [Григорьева, 2014]). При этом нельзя не заметить, что слово *Поэтка* не есть изобретение Ю. Мориц.

«Исторический словарь галлицизмов русского языка» (<http://gallicismes.academic.ru/>) дает его толкование с пометой *пренебр. – женщина-поэт* – и иллюстрирует это значение таким примером из поэмы А.И. Тургенева «Параша»:

Я не люблю восторженных девиц... /
По деревьям встречаешь
их нередко;

Я не люблю их толстых, бледных лиц, /
Иная же – помилуй бог – *поэтка*.

В начале XX века Н. Львова в стихотворении «Почему я со страхом жду от Вас признания...» использует это слово, как будто уже лишённое отрицательного значения, в противопоставлении «женщина – поэт» для самоименования:

Воспоминанья – осенняя ветка... /
Пожелтые листья
так жутко шуршат...

Ах, разве я женщина? Я только *поэтка*, /
Как меня назвал
Ваш насмешливый брат.

Толковый словарь Д.Н. Ушакова однако (середина XX в.) определяет его как *жен.* (разг. редк.), то же, что *поэтесса*, и приводит тот же пример из А.И. Тургенева, но без ярко выраженной отрицательной составляющей. К концу XX века это слово потеряло отрицательную сему. Об этом свидетельствует посвященная Н. Горбаневской книга Л. Улицкой «Поэтка. Книга о памяти». Основанием к такому названию послужили слова самой Горбаневской о том, что ее лучше называть не «поэт» и не «поэтесса», что ей больше подходит польское слово: *поэтка*. Польский журналист Петр Минцер свидетельствует об этом так: «Когда-то я спросил у тебя, как тебя лучше называть: поэтом или поэтессой? И ты от-

ветила, что тебе больше подходит польское слово “поэтка”. Это по-польски поэтесса. И вот это оно действительно ей очень идет. Эта маленькая, живая, кудрявая, подвижная, поэтка – правильное слово для нее» (Программа «Книжное казино» на «Эхо Москвы» 23.11.2014).

Характерной чертой позднего периода творчества Ю. Мориц можно назвать не только онимизацию апеллятивов, но и создание собственных индивидуально-авторских «онимов», свидетельствующих об отсутствии ориентиров во времени.

– Вы где сегодня?.. / – А нигде.

Места моих присутствий –

в *Нигдешности* и в *Никуде*.

(«Какое счастье – в воду лечь...»)

Безусловно, не следует полагать, что в результате приема онимизации возникает оним как таковой, но прописная буква воспринимается как некий сигнал к объединению слова с именем собственным. Помимо этого, графическое противопоставление *прописная / строчная* позволяет актуализировать смысл слова, создает его потенциальную напряженность, «собственное ономастическое сияние», привносит новое семантическое наполнение и оживляет графическую оболочку слова. Таким образом, оно приобретает чрезвычайную значимость в постижении глубинного смысла текста. Прописная буква как знак собственного имени и олицетворения восходит к традициям народного творчества и используется в поэтическом творчестве как средство художественной выразительности: *Царевич, Царица, Царь-Парус, Гусяр, Чудо-Птица, Не то Ангел, не то Воин какой; Вихрь-Девица, Жар-Девица, Зверь-Солдатка; Пуще Дева-Царь хохочет; Дева-Царь, Царь-Девицын, Царь-Буря* и др. в поэме М. Цветаевой «Царь-Девица» (см. об этом: [Ревзина 1989, с. 196]).

И еще одна особенность – капитализация всех графических компонентов слова, что, как и в случае онимизации, придает слову особую значимость:

То, что случилось в Одессе, касается ВСЕХ!

То, что случилось в Одессе, Чудовищный ГРЕХ!

То, что случилось в Одессе, фашизма разврат,

Морда фашизма, фашизма пылающий ад.
<...>

То, что случилось в Одессе, касается ВСЕХ!

То, что случилось в Одессе, фашизма успех,
Это – фашизма концерт и фашизма гастроль,
Хохот фашизма, который – свободы король!

<...>

Морда фашизма, фашизма пылающий ад –

Это касается ВСЕХ, и ни шагу назад!

Выводы. Эти не претендующие на полноту наблюдения над ономастической составляющей в языке Ю. Мориц позволяют сделать вывод о том, что онимы являют собой большое разнообразие и значительное их число выступает в своей номинативной функции, этим характеризуя автора как неординарную языковую личность, раскрывают ее широкий культурный горизонт, которым проникается читатель и вместе с тем приобщается к нему. Именно они служат созданию индивидуально-авторской ономастической модели, выражают своеобразную полифонию ономастического пространства и дают некоторые представления о времени и языке русской поэтической речи на рубеже XX–XXI столетий. Причем система имен собственных у Ю. Мориц в их собственно языковой функции принципиально отлична от системы собственных имен в языке других поэтов (см., например, систему ономастической модели мира в языке Велемира Хлебникова [Григорьев, 1976] и А. Вознесенского [Некрасова, 1976]; Л. Мартынова и Б. Ахмадулиной [Григорьева, 1991]; Н.С. Лескова [Алешина, 2000], И.А. Бунина [Леонтьев, Манандян, 2006] и И. Анненского [Григорьева, 2014]).

Помимо этого, онимы в языке Ю. Мориц нагружены определенным поэтическим смыслом и выступают как средство художественной образности, как результат самостоятельного языкового творчества: автор не ограничивается использованием известного в языке имени, но преобразует его в соответствии с эстетическими задачами, проявляет ономастическое творчество, создавая такие имена, которые выражают его художественные намерения и необходимы в создании глубинного смысла художественного целого.

Библиографический список

1. Алешина Л.В. Ономастическое пространство идиостиля Н.С. Лескова (на материале инновационных онимов и деонимов). Орел, 2000.
2. Григорьев В.П. Ономастика Велемира Хлебникова (индивидуальная поэтическая норма) // Ономастика и норма. М., 1976. С. 181–200.
3. Григорьева Т.М. Имя собственное в поэтическом тексте // Функционирование языковых единиц в текстах разных жанров: межвуз. сб. науч. трудов. Красноярск, 1991. С. 45–53.
4. Григорьева Т.М. Поэтический мир Ю. Мориц: ономастические наблюдения // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 2. С. 259–269.
5. Григорьева Т.М. Язык И. Анненского: ономастические наблюдения // Культурно-образовательное пространство: новые задачи – новые решения: материалы Всерос. (с международным участием) науч. конференции 18–10 февр. 2014 г. Красноярск, 2014. С. 15–20.
6. Калинин В.М. Поэтика онимов в маленькой трагедии А. С. Пушкина «Скупой рыцарь» // Филологические исследования. 2006. № 8. С. 199–210. [Электронный ресурс]: URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Fd/2006_8/FI8_PDF/Kalinkin.pdf
7. Карпенко Ю.А. Имя собственное в художественной литературе // Филологические науки. 1986. № 4. С. 34–40.
8. Леонтьев Э.П. Манандян Р.С. Имя в картине мира И.А. Бунина // Ономастическое пространство и национальная культура: матер. междунар. науч.-практ. конф. 14–16 сентября 2006 г. Улан-Удэ, 2006. С. 187–189.
9. Некрасова Е.А. Некоторые наблюдения над употреблением имен собственных в произведениях А. Вознесенского // Ономастика и норма. М., 1976. С. 200–208.
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
11. Ревзина О.Г. Выразительные средства поэтического языка М. Цветаевой и их представление в индивидуально-авторском словаре // Язык русской поэзии XX века: сб. науч. тр. М., 1989. С. 195–222.
12. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973.

ONYM IN THE POETIC WORLD OF YU. MORITZ

T.M. Grigorieva (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract

Problem statement. Within the literary text, the onyms occupy “an intermediate position between the names of real and fictional objects, because: a) their denotations are constructed on the basis of the experience of the artist, the writer, but they do not exist in reality; b) they are created according to models of real and unreal objects, taking into account their belonging to a certain onomastic field” [Superanskaya, 1973, p. 30].

The purpose of the article is to identify the features of the use of onyms in the artistic space of the poet; to determine the onomastic dominants of the poetic world as a concentrated cultural experience.

The main methods are semantic and onomasiological analysis of proper names in the poetic text.

As a result of the study, the features of the early and late periods in the use of onomastic units are determined, indicating the evolution of the poet as a creator and linguistic personality.

Summary. The system of proper names in the poetic world of Yu. Moritz, in their proper language function, is fundamentally different from the system of proper names in the language of other poets, such as, for example, Velemir Khlebnikov, L. Martynov, B. Akhmadulina, N. Leskov and others.

Keywords: *onym, art importance, onomastic dominants, personality language.*

References

1. Alyoshina L.V. Onomastic space of N.S. Leskov's individual style (as exemplified in the material of innovative onyms and deonyms). Oryol, 2000.
2. Bakhtin M.M. The Problems of content, material and form in creativity of the word. M.: Iskusstvo, 1924.
3. Grigoriev V.P. Onomastics of Velemir Khlebnikov (individual poetic norm) // Onomastics and norm. M.: Nauka, 1976. P. 181–200.
4. Grigorieva T.M. A proper name in a poetic text // Functioning of language units in texts of different genres // Materials of All-Russia Scientific Conference. February 18–19. Krasnoyarsk, 1991. P. 45–53.
5. Grigorieva T.M. I. Annensky's language: onomastic observations // Cultural and educational space: new tasks – new decisions. Materials of the scientific conference, February 18–19, 2014. Krasnoyarsk, 2014. P. 15–20.
6. Kalinkin V.M. Poetics of onyms in the small tragedy “Avaricious Knight” by A.S. Pushkin // Philological research. 2006. No. 8. P. 199–210.
7. Karpenko Yu.A. A proper name in fiction // Philological sciences. 1986. No. 4. P. 34–40.
8. Leontyev E.P., Manandyan R.S. Onym in I.A. Bunin's world // Onomastic space and national culture. Materials of the International scientific and practical conference, September 14–16, Ulan-Ude. 2006. P. 187–189.
9. Nekrasova E.A. Some observations over the use of proper names in A. Voznesensky's works // Onomastics and norm. M.: Science, 1976. P. 200–208.
10. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology. M., 1988.
11. Revzina O.G. Means of expressiveness in M. Tsvetaeva's of poetic language and their presentation in the author's individual vocabulary // Language of the Russian poetry of the XX century (the collection of scientific works). M., 1989. P. 195–222.
12. Superanskaya A.V. General theory of proper name. M.: Nauka Publishing House, 1973.

[Electronic resource]: Access mode: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Fd/2006_8/F18_PDF/Kalinkin.pdf